

Детство в зеркале языка и фольклора Карелии*

Изучение истории детства предполагает междисциплинарный подход, использование данных и методов смежных с историей дисциплин – социологии, психологии, этнографии, этнолингвистики, фольклористики. Обращение к фольклору, народной лексике в историко-этнографическом контексте, анализ словесного плана культуры весьма продуктивны, например, при изучении содержания детства, его периодов, общих принципов народной педагогики. В таком случае народные термины оказываются своего рода “путеводителями” в широкий семантический пласт, отражая этноспецифические представления о детстве. В данном исследовании, обращенном к периоду конца XIX – начала XX вв., наряду с публикациями фольклора различных жанров, воспоминаниями, используются и карельско-русские словари (ливвиковского и собственно-карельского наречий), в которых представлены различные речевые формулы, “образцы речи”, демонстрирующие варианты употребления того или иного слова.

В карельской традиционной культуре детство понимается как первая ступень в ходе последовательного изменения социального статуса в процессе жизненного пути. Загадка, аналогичная русской, фиксирует основные этапы жизни: “Утром на четырех ногах, днем на двух, вечером на трех” (“*Huomenekšella nellällä jalalla, päivällä kahella jalalla, ilalla kolmella jalalla*” – сев. кар.)¹. Пора детства, детство (*lapsus* – сев. кар., *lapsusaigu* – ливв.) начиналось с момента рождения человека, а его верхний предел хотя и варьировался в отдельных районах от 13 до 16 лет, все же чаще упоминается рубеж в 15 лет. К этому возрасту дети были обучены всем крестьянским работам. На праздники в другую деревню начинали ходить также, как правило, с 15 лет².

Появление первенца в карельской семье было радостным событием, что отражено, например, в тексте пестушки “Туру-туру, пастушок” (“*Turu-turu, paimone*”)³:

Дитя родится – песня родится,
Дитя родится – радость родится.
Для радости в лесу кукушка
и маленький сынок в семье.

Lapši šyndyy – laulu šyndyy.
Lapši šyndyy – ilo šyndyy.
Ilona kågõne mečäššä,
pikkupoiga pereheššä.

Бездетность, также как и слишком большое количество детей, переживалась как несчастье. В карельском Обонежье, например, существовал запрет обходить вокруг стола, когда за ним сидит много людей (“а то детей слишком много будет”)⁴. В северной Карелии во избежание прибавления в семье, накрывая на стол, нельзя было класть лишнюю ложку⁵. Запрещалось также качать пустую люльку (к пополнению в семье), а во многих случаях – называть конкретное число детей. Если детей в семье было много, то полагалось “считать” их следующим образом: “Детей от лавки (у фасадной стены) до порога” (“Lapsii on laucasta (peräpenkistä) kynnykseh suah”) или “Детей в семье, как зубов у рыбы” (“Lasta on pereheššä kuin kalan hammašta”)⁶. Нормой считалось количество от 3–4 до 5–7 детей в семье.

Рождение ребенка вне брака расценивалось как большой грех и было редким явлением. О таких детях говорили: “из-под ног добыгтый ребенок, под кустом найденный” (“jalalta suatu lapši, katajikon alta löyvetty”) – сев.-кар.)⁷. Рождение внебрачного ребенка обязывало женщину всю последующую жизнь раскаиваться в содеянном. Для искупления греха к общепринятому двухдневному посту на неделе (в среду и пятницу) добавлялся еще понедельник, грешница отказывалась от потребления чая и кофе, воздержание от которых у карелов, при их пристрастии к этим напиткам, считалось своего рода подвигом⁸.

Желание иметь сына и предпочтение, отдаваемое сыну перед дочерью, подчеркнуты в фольклоре: “хоть и некрасивый, да петушок (мальчик), хоть красивая, но курочка (девочка)” (“hoš’ kurju da kukki, hot’ kawnis da kana” – ливв.)⁹. Дочь, которая после замужества должна была покинуть родительский дом, по сравнению с сыном-кормильцем оценивалась лишь как “половина” его. Это сопоставление по линии “дочь–сын” представлено, например, в словах колыбельной песни: “Баю-баю, дочка-детка, [стоишь] *половиночку сыночка!*” (“Tuuti, tuuti, tyttölasta, maksoit puolen poikalasta!”)¹⁰.

После рождения сына престиж замужней женщины возрастал. Задача вырастить сына, вывести его “в люди” для многих отцов и матерей была связана с надеждой обеспечить свою старость: “Чью люльку качаешь, того и корочку жуешь” (“Kenen hurgoidu hurgutat, sengii kan’ n’ oïdu puret” – ливв.)¹¹. Эти родительские ожидания и надежды проявляются в разнообразных жанрах фольклора. Например, жена, оплакивая умершего мужа, причитает, перечисляя все обрушившиеся на ее плечи заботы по уходу за детьми до того возраста, когда “...начнут возвращаться с больших заработков и со славных заработков мои [мной] в люльке баюканные...” (“...konža ruvetaa šuaman hyvii’ da šuališt’ öil’ dā šuaman kualelomaa, turbeil’ da dai tulot’ yöhyzil’ dā, miun tuuvittamaizeni”) (ср.-кар.)¹².

Вместе с тем в произведениях фольклора, где осмысливаются отношения между родителями и детьми, с оттенком сожаления выражается убежденность в том, что родителям не приходится рассчитывать на полную взаимность со стороны детей ни в любви, ни в заботе (например, сказка “Ворона и птенцы”¹³, пословица “Сердце матери [мать думает о] – в дитяти, а у дитяти – в [о] камнях да пнях” (“Muamon vacca on lapšissa, lapšien kivessä ja kannošša”¹⁴ – ср.-кар.).

Представления о детях и выделение этапов детства выразились в карельской возрастной терминологии, народной лексике. Ребенок, дети, детское население – lapsiluatu (сев.-кар.)¹⁵, маленький ребенок – pikkaraine lapsi (ливв.), малолетний – alaiğaine, vahaigaine (ливв.)¹⁶, малютка, дитяtko – lapsukkaini, lapsukkaine (сев.-кар.)¹⁷. Как и в русской традиционной культуре, новорожденный, младенец и ребенок (до 5–7 лет) имели названия, не дифференцирующие пол и характеризующие их физический рост и соответствующее поведение. Новорожденный ребенок – “vastesuadu lapsi”. По отношению к младенцу наиболее общим, характеризующим физиологическую стадию, является термин “грудной ребенок”: n’än’n’iniikkulapsi (ливв.)¹⁸. Имеется целый ряд терминов, детализирующих эту или передающих другие особенности данного возраста: imiilapsi (ливв.) – сосунок, сосущий; kabalolapsi – запеленатый; üsküniekkulapsi – прижатый к груди, т.е. сидящий на руках, еще не умеющий ходить¹⁹; kätyniekka (сев.-кар.); kätkydniekku (ливв.) – ребенок-люлечник²⁰.

В повседневном лексиконе и в фольклоре широко использовались *метафорические замены терминов “ребенок”, “дети”*. Характерной особенностью народно-поэтической терминологии, относящейся к детям, являются названия, происходящие от природных понятий и явлений, подчеркивающие близость этой возрастной стадии к природному миру. Маленьких детей называли säkki (ливв.) – воробей, воробышек²¹, девочку – kana – курочка, мальчика – kukki – петушок²². Почеркивая родство, родители называли детей vezane (ливв.²³) или taimenuit – отросточек, росточек²⁴. Крепких, здоровых детей сравнивали с репкой: “Ребенок здоров как репка” (“Lapsi on terveh ku pagriš” – ливв.)²⁵. В ритуальном оплакивании умерших детей в причитаниях по отношению к сыну употреблялись метафорические замены: kalane – рыбка, omene – яблоко, kazl’ane – камышинка. Относящиеся по основной семантике скорее к девушкам брачного возраста метафорические замены: lindu (-ine) – птица (пташечка), allı – утка-морянка, sotka – утка-чернеть (нырок), suarva – выдра – могли применяться и к малолетним девочкам, особенно первое из них²⁶.

Понятие “ilonaigu” (ливв.) – “пора забав” относится в большей мере к детскому возрасту (lapsiigä) до 5–7 лет²⁷. В этот период труд детей ис-

пользовался в минимальном объеме. Отсутствие социальных обязанностей ребенка в этот период, а также необходимость заботы, опеки – все это объясняет смысл карельской загадки: “Кто самый большой господин на свете?” (“Mi on muanpiäl kaikkein suurin herra?” – сев.-кар.)²⁸. Социализация в этот период осуществляется в основном через игру, фольклор, общение с родителями и сверстниками и направлена на усвоение традиций и норм семьи и сельской общины.

Семилетний возраст – рубеж в психическом и социальном развитии индивида. До семи лет к поступкам ребенка относились снисходительно. По этому поводу бытовала поговорка: “У ребенка и ум ребячий” (“Lapsel on lapsen mieli” – ливв.). О взрослом человеке, ведущем себя по-детски, говорили: “hukuštaw: inf. hukuštua” (ливв.) (ср. hukkuine – глупыш, несмышленыш)²⁹. Пересечение 7-летнего рубежа, “вхождение” в разум, приобретение ребенком более или менее устойчивого характера – все это служило основанием для увеличения требований по выполнению им новых социальных ролей. Дети становились ответственными за свое социальное поведение. По данным социолингвистики именно к этому возрасту (в 6 лет) заканчивается усвоение базовой структуры родного языка³⁰.

Биологическим маркером данного рубежа можно считать обновление зубов, с которыми связаны народные представления о жизненной силе³¹. Выпавшие молочные зубы необходимо было выбросить за печку с приговором: “Мышке – дерьмо, мне – золото” (“Hiirel šittua, minul kuldua” – ливв.). Поскольку в традиционном мировоззрении мышь олицетворяет хтоническую природу, то получение от нее новых, настоящих (твердых) зубов означало “доделывание” ребенка и признание его человеком³².

Школьный возраст синхронизируется с так называемым периодом отрочества или “второго детства” (иногда его называют поздним детством). По данным современной науки биологический возраст “второго детства” продолжается у мальчиков с 7 до 12 лет, у девочек – с 8 до 11 лет³³. В карельском языке этому возрастному периоду соответствуют термины “brihačšune” (ливв.) – мальчик, паренек, “brihakulu” (ливв.) – парнишка-недоросток, “neižlapsi” (ливв.) – девочка³⁴. Показательно, что в воспоминаниях данный возраст далеко не всегда фиксируется хронологически.

У карелов, как и у многих других народов, именно при вступлении в возрастную слои “второго детства” менялся комплекс ролей, расширялся круг обязанностей в семье. В это время родители обычно передавали, а дети принимали на себя ответственность за младших детей, уход за животными и другие домашние обязанности. Девочки начинали помогать в приготовлении пищи, учились прясть, вышивать, ухаживать за скотом. Мальчики заготавливали и разделяли дрова, учились мастерить охотничьи и рыбо-

ловные снасти. В то же время возрастали родительские обязанности по обеспечению потребностей ребенка в одежде и обуви, в заботе о его будущем: “Дети растут и горя прибавляется” (“Lapset kasvetah dai gor’at kasvetah” – ливв.)³⁵.

Первым духовным наставником ребенка была бабушка или мать. Они передавали детям свои духовные знания, учили молиться. Первая информация о Христе часто сопровождалась обращением к иконе, которая на детском языке обозначалась словом “bowdzoï” (ливв.) – “боженька”³⁶. Детей приучали бережно относиться к хлебу, считавшемуся даром божьим. Взрослые предостерегали детей, чтобы те не роняли на пол даже крошки хлеба, потому что “падение крошки слышно до самого неба”³⁷. Случайно уроненный кусок тут же поднимали и съедали со словами: “Господи, благослови. Божья ладонь снизу” (“Hospoti plahoslovi. Jumalan kämmen alla”). В Южной Карелии кусок прикладывали ко лбу и просили прощения у Святого Ильи: “Прости, Святой Илья” (“Prosti, Pyhä Il’i’a”)³⁸.

Садясь за обеденный стол, – каждый на свое строго определенное место – дети, как и взрослые, не забывали перекреститься. Все ели из одной деревянной или глиняной миски, соблюдая абсолютную тишину. Если во время чаепития полагался сахар, детям не разрешалось его брать самим, отец давал каждому по кусочку. По требованиям семейного этикета за столом следовало вести себя “красиво”³⁹. Сидя за столом нельзя было даже качать ногой – говорили, что качаешь люльку черта. Не разрешалось задевать ножки стола, класть ногу на ногу⁴⁰. Детей приучали быть неприхотливыми к еде, не привередничать. Маленькому ребенку говорили: “Господи, благослови: пищу в рот, ума в голову” (“Hospodi blahostoi: suurus suuh, mieli peäh”). Пословицы наставляли: “Не будь важнее еды! Ешь то, что есть, что подали!” (“Elä ole suurempi suurušta! Syö midä on, midä edeh pandih!”); “Съешь весь суп – завтра будет ведро” (“Pidäy rokka loppie, niin lieu huomana pouda”). Капризного ребенка, отказывавшегося есть, с иронией предупреждали: – “Губа толстая, живот тонкий” (“Huuli pakšu, nin vattša hoikka”)⁴¹. Закончив трапезу, вновь подходили к иконам и крестились, благодарили за еду.

Наказания детей в карельской семье умеренные. При неповиновении или проступке ребенка старшие старались ограничиваться словесным осуждением, грозным взглядом, реже – окриком. Особо авторитетным было мнение отца, его слово, что нашло отражение в загадке “Что тверже твердого?” (слово отца) (“Mi on kovista kovin?”)⁴². Эмоциональный тонус отношения родителей к детям менялся по мере роста ребенка: от мягкого всепрощения в раннем детстве до требовательной строгости в отрочестве. Чем старше ребенок, тем больше была вероятность того, что его накажут. Непослушных детей могли наказать шлепком, легким ударом прутиком,

“вичкой” (“*kuwlemattomii lapsii viccaželgi kebjitetäh*” (ливв.) – “непослушных детей и прутиком наказывают”⁴³). Н. Камкин, побывавший в северной Карелии в конце XIX в. писал в связи с этим: “В случае ошибки или вины со стороны кого-либо из младших членов, он [глава дома – *О.И.*] выслушивает всегда резоны оправдания спокойно и сдержанно и относится к провинившемуся со снисходительной справедливостью; такая мера взыскания за вину, как побои, употребляется чрезвычайно редко, только при самом сильном гневе, которого карелы благодаря своему спокойному характеру умеют избегать. Взыскания ограничиваются обыкновенно более или менее строгим выговором при всей семье, а иногда и при чужих”⁴⁴.

Родительское проклятье, адресованное кому-либо из детей, считалось большим грехом и по представлениям карельского крестьянина вело к неминуемой страшной расплате – похищению детей водяным, лесовиком или другим “*paħa*” — представителем нечистой силы или лишению ребенка рассудка, — тоже в результате вмешательства “*paħa*”. Поэтому даже в состоянии сильного гнева старались избегать выражений “унеси тебя леший”, “леший тебя возьми”⁴⁵ (“*Ottaš hot’ meccü sinun*” – ливв.).

Важнейшим средством воспитания было словесное поощрение, одобрение какого-либо положительного поступка, пусть даже незначительного достижения. В северной Карелии говорили: “Похвалой воспитываем ребенка” (“*Kiitannällä kašvatamma lašta*”)⁴⁶. Ласка была признанным средством воспитания, что нашло отражение в присловье: “Почаще ласкать – послушнее будет” (“*Puaksumbah armastella – kädevembi rodiew*” – ливв.)⁴⁷. В карельском языке понятие “родительская любовь” и “ласка” обозначаются единым понятием – “*armo*” или “*armoine*” (ливв.)⁴⁸. Внутренняя форма слова “сирота”, образованного при помощи лишительного суффикса: “*armoitoi*, gen.: *armottoman*”⁴⁹ – означает человека, и особенно ребенка (*armoitoi lapsi*), лишённого ласки. Данное слово является языковой, а не фольклорно-поэтической метафорой⁵⁰. Однако пословицы в фольклоре поясняют эту метафору: “Умрет отец – полусирота (половина ласки пропадет), а мать умрет – круглый сирота (вся ласка пропадет)” (“*Tuatto kuollow – puoli armuo, maumo kuollow – kai armot kavotah*” – ливв.)⁵¹. По всей видимости психическое здоровье, общительность, неагрессивность, свойственные карелам в зрелом возрасте, являлись следствием семейного воспитания, сочетающего требовательность и мягкость, стремления родителей избежать сурового наказания.

Речевые формулы, различные термины и, тем более, произведения фольклора, существенно расширяют исследовательское поле при изучении истории детства. Эти материалы позволяют представить духовную атмосферу, в которой воспитывался ребенок, понять отношение взрослых к детям, характер преемственности в традиционной семье. Присловья, пословицы, произ-

ведения детского фольклора непосредственно “участвовали” в воспитании подрастающих поколений, а заключенный в них опыт многих поколений, нравственные ценности являлись объектом социального наследования.

Примечания

¹ *Лавонен Н.А.* Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 68.

² Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. К. 3518 (Воспоминания А.Г. Акимовой (Бокаревой), урож. с. Виданы; запись И.И. Ивановой, В.П. Мироновой, расшифровка В.П. Мироновой); *Конкка А.П.* Традиционные сельские праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Л., 1980. С. 97.

³ Устная поэзия тунгудских карел / Подгот. А.С. Степанова. Петрозаводск, 2000. С. 122 (№ 65).

⁴ *Лавонен Н.А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 120; *Логинов К.К.* Этнографическое описание села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 140.

⁵ *Лавонен Н.А.* Стол в верованиях карелов. С. 126.

⁶ Там же. С. 137; *Логинов К.К.* Указ. соч. С. 140.

⁷ *Федотова В.П., Бойко Т.П.* Собственно карельские говоры Карелии: Словарь. Т. I. Рукопись.

⁸ *Оленев И.В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 94.

⁹ *Макаров Г.Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 130.

¹⁰ Карельский фольклор: Хрестоматия / Подгот. Н.А. Лавонен. Петрозаводск, 1992. С. 147.

¹¹ *Макаров Г.Н.* Указ. соч. С. 79.

¹² *Степанова А.С.* Частная поэзия... С. 137.

¹³ Карельские народные сказки: Южная Карелия / Ред. В.Я. Евсеев. Л., 1967. С. 490–491.

¹⁴ “*Aukaisen sanaisen arkun*”: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР / Подгот. А.С. Степанова. Петрозаводск, 1991. С. 204.

¹⁵ *Федотова В.П., Бойко Т.П.* Указ. соч.

¹⁶ *Макаров Г.Н.* Указ. соч. С. 19, 444.

¹⁷ *Федотова В.П., Бойко Т.П.* Указ. соч.

¹⁸ *Макаров Г.Н.* Указ. соч. С. 239.

¹⁹ Там же. С. 95, 114, 450.

²⁰ *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 48.

²¹ *Макаров Г.Н.* Указ. соч. С. 41.

²² Там же. С. 130.

- ²³ Ср.: Там же. С. 425.
- ²⁴ Там же. С. 373.
- ²⁵ Там же. С. 222.
- ²⁶ Степанова А.С. Карельские плачи: Специфика жанра. Петрозаводск, 2003. С. 29.
- ²⁷ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 94, 179.
- ²⁸ Карельские народные загадки / Подгот. Н.А. Лавонен. Петрозаводск, 1982. С. 42.
- ²⁹ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 76.
- ³⁰ Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2000. С. 38.
- ³¹ См., например: Грысак Н.Е., Разумова И.А. К представлениям о человеке и животном (по северно-русским верованиям и сказке) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 46–60.
- ³² Дронова Т.И. Русские старoverы-беспововцы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – начало XX вв.). Сыктывкар, 2002. С. 186.
- ³³ См.: Бочаров В.В. Указ. соч. С. 42–43.
- ³⁴ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 28, 396.
- ³⁵ Там же. С. 128.
- ³⁶ Там же. С. 28.
- ³⁷ Vuoristo V. Ikävä omia maita: Muisteluksia vanhasta Vienan Karjalasta. Helsinki, 1983. S. 71.
- ³⁸ Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. С. 132–133.
- ³⁹ Там же. С. 132–133, 136; Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo – Helsinki. 1958. S. 207; Vuoristo V. Ikävä omia maita. S. 71.
- ⁴⁰ Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. С. 131.
- ⁴¹ Там же. С. 136–139.
- ⁴² Карельские народные загадки. С. 46.
- ⁴³ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁴ Камкин Н. Архангельские карелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. 1880. № 4. С. 664.
- ⁴⁵ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 416–418.
- ⁴⁶ Федотова В.П., Бойко Т.П. Указ. соч.
- ⁴⁷ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 21.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 22.
- ⁵⁰ В ливвиковских диалектах карельского языка слово “ogroi” маркировано как архаизм (см.: Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 245), в отличие от общеупотребительного “agtoitoi”, тогда как в близкородственном финском языке именно слово “ogro” маркировано нейтрально в ряду синонимов, включая фольклорно-поэтические, будучи общеупотребительным.
- ⁵¹ Макаров Г.Н. Указ. соч. С. 22.